

Олег РЯБЕЦ: *веч. клуб - 1997 - гост. - с. 7.* Я люблю свою золотую клетку

Слушая его пение, кажется, начинаешь понимать, что слышат ангелы на небесах. Глядя на его лицо, отмеченное удивительным внутренним спокойствием, невольно думаешь, что он пришелец из другого мира. На самом деле он вполне земной, наш современник и соотечественник, обладатель уникального оперного голоса, сопранист Олег Рябец.

— Олег, вас никогда не смущала необычность вашего голоса?

— Поверьте, никогда. У меня всегда было такое огромное желание петь, что поначалу мне вообще было все равно, бас у меня, баритон или тенор.

— А оказалось сопрано.

— Да, мужское сопрано. Но для меня это органично, я люблю свой голос и знаю, как с ним обращаться. Для артиста это самое главное. В творческом плане я человек везучий: мне доступен репертуар, о котором сегодня почти забыли. Музыка эпохи барокко, написанная для певцов-кастратов, произведения Скарлатти, Кавалли, Генделя, Глюка — это уникальные музыкальные пласты, которые позволяют мне реализовать себя как артиста и прикоснуться, почти потрогать руками великую эпоху.

— Должно быть, это удивительное ощущение: петь музыку, которая в последний раз звучала несколько веков назад.

— Это действительно невероятно. Иногда даже появляется чувство, что ты властвуешь над временем и пространством. Но не надо думать, что я замыкаюсь только на барочной музыке. Волею оперных режиссеров, которые почти не ставят оперы того же Глюка, мне приходится петь и в современных операх. Конечно, я стараюсь отбирать только самые талантливые, и, как мне кажется, выбрать есть из чего.

— Олег, что представляет собой мир современной оперы? Насколько его коснулся XX век и как столь романтическое искусство реагирует на современность?

— Конечно, изменился стиль музыки, стали другими герои, остались в прошлом запутанные сюжеты и мрачный колорит Средневековья. Но разве это важно? Главное, чтобы была талантливая музыка и интересный сценический образ, что для меня особенно важно, поскольку я все-таки оперный певец.

Моя последняя работа, осуществленная, к сожалению, не в России, а в США, называется "Обнаженная революция". Это опера Дэвида Солджера, американского композитора русского происхождения, в которой практически нет сюжета, зато есть спор двух великих личностей, Ленина и Джорджа Вашингтона, о том, кто из них больше сделал для своей страны. Как известно, не только Советский Союз создавался на человеческих костях, но и Америка в свое время тоже строилась на крови этнических меньшинств.

— Вы поете, конечно, Ленина?

— Конечно. Надо сказать, что все это явилось для меня огромной неожиданностью. Когда я соглашался на участие в постановке, я знал, что авангард чреват сюрпризами. Я был готов к тому, что рядом со мной на сцене будут петь Александр Ульянов, Айседора Дункан, которую Ленин будет обличать в безнравственности ее искусства, два Вашингтона — собственно президент и названный в его честь негр, некая дама по имени Молли, Марсель Дюшамб — культовый художник-импрессионист начала века, который к тому же был гомосексуалистом. Словом, к этим героям я был морально готов. Но я и представить не мог, что мне придется играть Ленина не в абстракции, а, так сказать, в натуре: с бородкой, в кепочке, с его характерными жестами.

— Но для вас, выросшего в Советском Союзе, все это не должно бы представлять особых трудностей.

— Знаете, когда я впервые загримировался, я понял, почему я оказался единственным российским исполнителем в американской труппе. Да, вся эта лениниана вошла в нас очень глубоко, так что восстановить чисто внешне детали оказалось несложно. Но если говорить о технической стороне, то кошмарно сложный грим, в котором и на репетициях было

жарко, на сцене превращался в пытку.

— Думаю, это не прибавило ваших симпатий к коммунистам.

— Я абсолютно аполитичный человек. Может быть, так нельзя, но мне иногда бывает абсолютно все равно, что происходит за окнами моего дома. Главное для меня — душевный покой, а кто стоит у руля власти в нашем государстве, меня мало интересует. Я уверен: что бы ни делалось в этом мире — это всегда к лучшему. Бог сам управится.

— Покой? А как же музыка, которую вы поете? Ее ведь не назовешь бесстрастной.

— Это верно. И все те страсти, которые я в себе еще не изжил, я и стараюсь выразить в пении с максимальной достоверностью. Все то, что не может быть воплощено в реальной жизни, пытаюсь пережить на сцене. А вообще мне кажется... Нет, я даже убежден, что артист, который ведет рассеянный образ жизни, стараясь получить как можно больше впечатлений, гоняясь за удовольствиями и живя в бешеном ритме смены привязанностей, не может быть достоверным и правдивым в изображении чувств на сцене. Для того чтобы петь, нужно иметь чистую душу и незамутненное сознание. А страсти душу засоряют.

— И даже любовь?

— К любви это не относится. Она — достояние, которое надо заслужить. Мне кажется, что в последнее время у людей сильно изменилось понятие о любви. В большинстве своем люди уже просто не знают, что такое настоящая любовь.

— А вы?

— Я не претендую на истину в последней инстанции, но, если хотите, могу высказать свое мнение: любовь — это редкие мгновения духовного единения с близким тебе существом. И когда эти мгновения растягиваются на некоторое время, наступает другое состояние, ко-

торое принято называть счастьем.

— А вы пытались обрести его в жизни, а не на сцене?

— Вы имеете в виду семью? Вынужден опустить вас с небес на землю. Для того чтобы ею обладать, к сожалению, мало иметь только способность к созерцанию и философии. Семью надо обеспечивать, чтобы создавать хотя бы элементарные условия существования. Надеюсь, что когда-нибудь у меня будет семья. Но я уверен, что это произойдет только тогда, когда у меня появится что-нибудь кроме голоса.

— Каков ваш идеал женщины?

— Не знаю... Для того чтобы думать об идеале, надо его поискать. А мне пока не хочется. Во всяком случае я точно знаю, кто не мой идеал: жадные, глупые, восторженные девочки.

— Значит, со своими поклонниками, которых у вас, я знаю, довольно много, вы обходитесь сурово?

— Ну, во-первых, не так много у меня поклонниц. Есть в России секс-символы — Машков, Киркоров, "Иванушки Интернешнл" — вот за ними действительно бегают толпы девиц. Мое искусство призвано задевать совсем другие струны человеческой природы.

— Нельзя же быть таким бесстрастным! Позвольте мне угадать, ради кого вы уподобились бы этим девушкам.

— Тут и гадать нечего. Если бы я мог, я бы провел всю свою жизнь рядом с Каллас. Она — мой идол.

Мария Каллас — гений, а гении, как революции, переворачивают представление людей о мире и о самих себе. Я бы хотел быть с ней не как с женщиной, хотя она и была редкой красавицей. И не для того, чтобы касаться ее руки, получить автограф, взять на память платочек... Нет. Я бы хотел дышать ее гением, ее личностью. Пение ведь не было ее профессией, оно являлось продолжением ее сути, было ее языком, ее способом заставить мир понять себя. Вот чему я хотел бы у нее научиться.

— Давайте вернемся на грешную землю. Я знаю, что сейчас у вас нет напряженной концертной деятельности. Как выглядит ваш день?

— Я встаю в десять утра — это не поздно и не рано. Ложусь, правда, около двух... Готовлю себе завтрак, делаю зарядку... На диетах не сижу, мне это не нужно, поскольку есть посты. Потом, пока голова свежая, читаю. Исключительно православную литературу. Потом недолго занимаюсь вокалом — только чтобы разогреть голос. Готовлю обед, стираю — словом, нормальная домашняя жизнь. Мне бесконечно кто-то звонит, я отвечаю, в промежутках смотрю телевизор. Боюсь вас разочаровать, но моя жизнь именно такова: простая, совсем не богемная.

— Что смотрите по телевизору?

— Раньше смотрел все подряд. Сейчас надоело, телевидение стало однообразным. Но есть программы, которые пользуют-

ся моим постоянным вниманием, как, например, "Серебряный шар" Виталия Вульфа. Я восхищаюсь этим человеком: за тридцать минут он открывает целый мир, вмещает уникальную личность, о которой рассказывает, в экранные полчаса, и это не выглядит как ужасная биография. Согласитесь, редкий дар.

— Видели ли вы фильм "Фаринелли-кастрат"? там звучит много музыки, и значительная часть меломанов просто в восторге от картины.

— Фильм нашумевший. Но мне он очень не понравился. На мой взгляд, в нем уделяется слишком много внимания тем сторонам человеческой жизни, о которых можно и умолчать. Фаринелли был человеком уникальным, великим, а этот фильм ни в коей мере его уникальность не отразил. Зато грязи там предостаточно. Кроме того, в нем нет и сотой доли исторической правды, только вымысел, причем самого низкого пошиба.

— Вы довольны своей жизнью? — Я не привык жаловаться. Слава Богу, я здоров, у меня звучит голос. Хотелось бы чаще выступать именно в Москве, чтобы меня тут наконец узнали и полюбили.

— Вы напоминаете мне райскую птицу — очень красивую, великолепно поющую, но запертую в клетку. Это имеет что-то общее с реальностью?

— Если и так, то я очень люблю свою клетку.

Встречалась Алла ТЮКОВА.